

ЛЕНИН ПОСЛЕ СМЕРТИ (ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРОВИНЦИИ)

Аннотация.

Актуальность и цели. Образ вождя мирового пролетариата давно привлекает не только отечественных, но и зарубежных исследователей, однако работ, посвященных представлениям населения о Ленине после его смерти, не так много. «Архивная революция» позволила исследователям обратиться к материалам, которые ранее находились под грифом «секретно». Они позволили увидеть новые стороны образа Ленина.

Материалы и методы. Статья написана не только на основе опубликованных материалов Центрального архива ФСБ, но и главным образом источников, извлеченных из провинциальных архивов (Брянска, Гомеля, Калуги, Орла и Смоленска). В массе своей это различного рода «информационные сводки», отражающие взгляды населения на те или иные внутри- и внешнеполитические события, оценки населения, данные деятельности вождей СССР.

Результаты. Смерть Ленина сыграла не только консолидирующую роль в жизни советского общества, но и показала самое разное отношение населения к вождю и его деятельности. Часть населения начинала связывать жизненные невзгоды с результатами деятельности В. И. Ленина. Правда, для большинства Ленин оставался консолидирующей фигурой, не позволявшей распасться советской системе.

Выводы. В ходе исследования было установлено, что образ В. И. Ленина, транслируемый населению, оказывался в народном сознании многослойным: при общем положительном отношении к нему как идеальному правителю у части населения складывалось скептическое, а порой и вовсе отрицательное отношение к Ленину.

Ключевые слова: вождь, Ленин, население, образ, представления, партия, Советская Россия.

М. V. Bryantsev

LENIN AFTER DEATH (VISIONS OF SOVIET PROVINCIAL POPULATION)

Abstract.

Background. The image of the leader of the world proletariat has long attracted not only domestic, but also foreign researchers, but there are not so many works devoted to the ideas of the population about Lenin after his death. The “Archival Revolution” has allowed researchers to turn to materials that previously were classified and has allowed to see other, than earlier, sides of the image of Lenin.

Materials and methods. The article is based not only on the published materials of the Central Archive of the FSB, but mainly on sources extracted from the provincial archives (Bryansk, Gomel, Kaluga, Orel and Smolensk). In the aggregate these are different kinds of “information bulletins” reflecting the views of the population on various internal and foreign political events, the population’s assessment of the activities of the leaders of the USSR.

Results. The death of Lenin played not only a consolidating role in the life of the Soviet society, but also showed the most diverse attitude of the population towards the leader and his activities. A part of the population began to connect life's difficulties with the results of V. I. Lenin's work. However, for the majority Lenin remained a consolidating figure, who did not allow disintegration of the Soviet system.

Conclusions. In the course of the study, it has been established that Lenin's image, shown to the public, was multilayered in the people's mind: with a general positive attitude toward him, as an ideal ruler, a part of the population had a skeptical and sometimes completely negative attitude toward Lenin.

Key words: leader, Lenin, population, image, ideas, party, Soviet Russia.

В советской историографии создана огромная масса литературы о В. И. Ленине, образ которого был канонизирован довольно рано. Этот образ рисовался самыми светлыми, притягательными красками и утверждался в массовом сознании. В. И. Ленин олицетворял собой пример непогрешимости и всеобщей народной любви. Только в последнее время стали появляться в российской печати работы, рассматривающие отражение образа Ленина в массовом сознании [1]¹. Однако работ такого рода не так много, а потому новые архивные материалы, рисующие образ Ленина, представляют особую ценность. В предлагаемой работе исследуются представления населения советской провинции о канонизируемом образе вождя после его смерти.

12 марта 1923 г. появилось первое правительственное сообщение о болезни Ленина. Уже на следующий день И. С. Уншлихт и В. Р. Менжинский подписали телеграмму представителям ГПУ на местах, где говорилось о том, что болезнь Ленина создаст в стране осложнения и контрреволюционеры станут распространять «панику и провокационные слухи среди населения, особенно среди крестьян». Предлагалось среди прочих мер усилить контроль за настроением населения [2, с. 51]. Уже в сводке на 24 марта ОГПУ отмечалось, что наиболее горячо отозвались на сообщение о болезни вождя рабочие, крестьяне – более пассивно, а до многих уголков сельской местности эти сообщения и вообще еще не дошли. Многие не верили в правительственное сообщение [3, с. 85; 2, с. 52].

Ставшие регулярными, газетные бюллетени о здоровье вождя породили в обществе самые разные настроения, вызвав множество слухов, толков, прогнозов и пр. Наиболее наблюдательные современники делали вывод о медленном угасании Ленина. Значительное количество слухов было вызвано также разговорами о причинах болезни т. Ленина и о совпадении болезни с рурскими событиями. Другие объясняли эту болезнь тем, что Ленина «покарал Бог за разорение храмов», что он «вследствие расстрела ЧК его родственника поправел», «что болезнь его вызвана разочарованием в нэпе» и т.д. [3, с. 86]. В Ковровском уезде один рабочий рассказывал о венерическом заболевании Ленина, из-за которого он был удален из Совнаркома, а в Екатеринославской губернии заявляли, что он сошел с ума [4, с. 18;

¹ Правда, в зарубежной историографии первая работа появилась еще в 1983 г. Она принадлежит перу американского исследователя Н. Тумаркин и посвящена возникновению культа Ленина (Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. – Cambridge, Mass., 1983. Русский перевод появился в 1997 г., см: Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. – СПб., 1997).

5, с. 838]. В селениях бывшей «черты оседлости» и Центральной России исчезновение вождя с политической арены связывали с отравлением его евреями [6, с. 30; 4, с. 19; 7, л. 343, 345]. У кого-то в смерти Ленина были виноваты евреи, в особенности Троцкий, у кого-то «некоторые видные работники центра (с профессорами, лечившими его), претендующие на власть», а кто-то в этом винил всех эсеров [8, л. 76; 3, с. 188; 4, с. 15].

В условиях ограниченной информации люди «додумывали» известия о состоянии вождя. Одним из распространенных мнений было то, что Ленин умер давно, а правительство своим сообщением подготавливает население к этому событию. В Московской губернии говорили о том, что умерший полгода назад вождь был заморожен и только требование II съезда Советов СССР показать Ленина живым или мертвым заставило советское правительство сообщить о его смерти [4, с. 13; 3, с. 175]. В воинских частях Белорусского военного округа командированный из Москвы рассказывал, что Ленин умер три месяца назад и давно похоронен, а «советская власть изготовила фигуру Ленина из воска, которая находилась в Колонном зале» [4, с. 17]. Вероятно, происхождение источника слухов из Москвы или близость к ней придавали особую правдивость сообщению. Мнение о подмене Ленина продолжало бытовать и в последующие годы. Уже весной 1925 г. среди рабочих и даже комсомольцев 1-й Госмельницы в Гомеле говорили о том, что «Ленин был не настоящий, что он якобы был убит где-то за границей, а под его именем жил другой человек»¹ [9, л. 177]. Недоверие к сообщениям власти отражалось в слухе, который имел хождение уже в марте 1923 г. среди рязанских обывателей, отмечавших, что власти тщательно скрывают смерть Ленина и приход к власти Троцкого не только от населения, но и даже от коммунистов. В это же время о смерти Ленина говорили в Смоленской губернии [10, л. 23]. Все эти сообщения, как бы они ни разнились в деталях, говорят о стойком недоверии населения к сведениям, транслируемым советскими властями.

Общий фон недоверия порождал самые разные версии. Некоторые говорили, что вождь не умер, но навсегда ушел от работы ввиду сложившихся тяжелых обстоятельств большой государственной важности. Слухи об отходе Ленина от дел и его стремлении убежать за границу имели широкое хождение. Об этом говорили в красноармейской среде Белорусского военного округа. Разговоры о том, что Ленин скрылся и власть перейдет к буржуазии, будоражили население Тотемского уезда Вологодской губернии еще в начале 1923 г. [5, с. 538, 772, 781, 826]. Об этом же говорили и крестьяне Смоленской губернии [5, с. 538, 651, 772, 781, 826; 10, л. 7]. Иногда вместе с Лениным отправляли за границу Троцкого [4, с. 15]. Вероятно, разочарование части крестьян в коммунистическом настоящем давало повод думать, что Ленин не умер, а отошел от дел, «предоставив советскому правительству выпутываться из создавшегося положения» [5, с. 826].

Смерть В. И. Ленина была использована различными политическими силами внутри партии в собственных интересах. Безусловно, важнейшие рычаги влияния на массы имел И. Сталин и его окружение, в руках которых на-

¹ Сюжет о подмене царя/вождя был распространен в «политическом фольклоре» (см.: Панченко А. А. Культ Ленина и «советский фольклор» // *Одиссей. Человек в истории. Время и пространство праздника*. – М., 2005. – С. 334–366).

ходился партийный аппарат с его разветвленной агитационно-пропагандистской системой. На первых порах основная масса населения, обескураженная смертью Ленина, проявила солидарность и обеспокоенность за судьбу советской власти. Особую тревогу демонстрировали рабочие. По информации ОГПУ, первые сообщения о смерти Ленина вызвали среди рабочих «плач, истерики и стихийные демонстрации» [6, с. 26]. Калужский губернский отдел ОГПУ сообщал в сводке от 26 января 1924 г., что весть о смерти Ленина была встречена «поголовно всем населением с большой печалью». Места проведения траурных мероприятий не могли вместить всех желающих. Как отмечает информатор, «вся трудовая интеллигенция и публика непа» сожалела о кончине и если первые вполне искренно, то вторые боялись, что «после смерти тов. Ленина курс новой экономической политики повернет влево». Враждебное отношение было единичным и «со стороны не крестьянского элемента» [11, л. 2, 4].

В целом же отмечалось в сообщениях с мест, что смерть Ленина не колебала отношение крестьян к советской власти, они опасались, что она повлечет за собой изменение курса власти и даже боялись, что иностранные государства «начнут наступать, т.к. Советская власть ослабнет». Другим страхом являлось то, что в результате смерти Ленина к власти могут прийти евреи. В городской же обывательской среде это беспокойство приобретало конкретный характер: наследником Ленина виделся Троцкий с его милитаристскими настроениями, которые, как думалось, чреваты скорой войной. Однако чувство неизбежности войны в связи со смертью вождя охватило не только горожан, но и самые широкие слои крестьян, красноармейцев, рабочих [7, л. 343, 345].

Искреннее сожаление о смерти вождя основной массы населения позволило властям начать кампанию по утверждению в сознании народа культа Ленина. На многочисленных собраниях, митингах, волостных крестьянских конференциях принимались резолюции с выражением не только сожаления, но и обещания выполнять заветы Ильича под предводительством партии. Для увековечивания памяти Ленина в некоторых волостях Орловской губернии крестьяне выносили постановления о приобретении хороших портретов вождя в сельсоветы, об учреждении стипендии имени Ленина из местных средств для обучения детей беднейшего крестьянства в сельскохозяйственных вузах, а в одной из волостей «крестьяне вынесли постановление о посадке деревьев имени Ильича» [12, л. 132].

В ходе пропагандистской кампании, связанной со смертью Ленина, активно проводилась мысль о его исключительной роли в истории человечества. В Ольшанской волости Ливенского уезда Орловской губернии крестьянин Дорофеев, выступая в прениях по докладу «Ленин и крестьянство», заявил: «Российскому пролетариату и трудовому крестьянству он дал свободу, землю, фабрики и заводы, для заграничных трудящихся дал верный путь, а за образец СССР и идейного руководителя – мировой авангард Коминтерн». В Паюсовской волости Болховского уезда на общем собрании крестьяне постановили: «Мы, граждане, заслушивали доклад о II Всесоюзном съезде Советов и о смерти путевода и мирового вождя Владимира Ильича Ленина. В. И. Ленин раскрепостил нас от рабства и капитала, он дал нам новую жизнь, он открыл истинный путь к свету и знанию, и мы плачемся». Собра-

нием была послана телеграмма во ВЦИК: «Светлая память Владимиру Ильичу Ленину, великому нашему вождю за его великие заветы. И просим почетного председателя СНК т. Алексея Ивановича Рыкова идти по заветам В. И. Ленина, каковой нам показал светлую жизнь в мире». Неслучайно текст постановления Волконской конференции Дмитровского уезда напоминает молитву, где жертва Ленина ассоциируется с жертвой Христа: «Ты умер, но для нас же, трудовых крестьян, ты будешь вечно жить в наших любящих тебя сердцах. Мы вечно будем с благодарностью вспоминать великие труды и жертвы, понесенные тобою на благо всего мирового пролетариата. Мы будем верными твоими сынами и последователями твоего учения, идущими по пути к коммунизму, и мы клянемся тесными сплоченными рядами в вечной борьбе с мировым капиталом» [12, л. 140, 143, 144, 146]. Вождем пролетариата «всего мира» Ленин был для крестьян Калининского уезда Гомельской губернии [13, л. 24]. «Ленин у крестьянства в его воображении представляется каким-то особенным национальным героем, олицетворением самой истинной справедливости», – отмечал Орловский Губком партии летом 1924 г. [12, л. 132].

Религиозное сознание крестьян воспринимало смерть вождя и его образ часто в религиозной оболочке. Крестьяне Калужской губернии на траурных митингах и похоронных процессиях задавали «курьезные» вопросы: «можно ли Ильича заносить в поминание, можно ли в день похорон зазвонить в колокола и т.д.» [11, л. 4]. Во многих церквях Тверской губернии служили панихиды по вождю [4, с. 21]. В других регионах крестьяне не только требовали упоминания Ленина в церквях, но и, как крестьяне Смоленской губернии, крестились на его портрет, желая ему «царствия небесного» [3, с. 30; 6, с. 178; 14, л. 17 об.]. А один из крестьян Кардымовской волости Смоленского уезда прямо заявил на беспартийной волостной конференции: «Ленин – бог, а все остальные коммунисты мерзавцы». Правда, он высоко ставил политику, проводимую Сталиным, отрицая партию и Советы [15, с. 215]. В рабочем поселке Бежица Брянской губернии после манифестации по случаю смерти Ленина в доме, где помещалась контора редакции газеты «Брянский рабочий», происходила попойка при участии начальника Бежицкой уездной милиции П. И. Чернова, бывшего заведующего Уфиноотделом Рубанова и некоторых других, на которой они вместе с попом из с. Липовка «пели вечную память Ленину» [16, л. 33 об.].

Смерть Ленина спровоцировала и массовое стремление к постановке памятников вождю, и череду переименований населенных пунктов в честь Ленина. Уже в первые траурные дни местные органы власти стали принимать решения об установке памятников вождю. В Смоленской губернии рабочие Ярцевской прядильно-ткацкой фабрики постановили отчислить на постройку памятника Ленину двухнедельный заработок и просили переименовать свой поселок в поселок имени Ильича [4, с. 16]. Решение об установке памятника Ленину принял горсовет г. Рославля. Сбор средств на постройку памятника Ленину организовали жители местечка Шумячи, которые «в память великого Вождя тов. Ленина» просили «ВЦИК переименовать мест. Шумячи, назвав его м. “Ленино”» [17, л. 11, 24 об.].

Череда переименований затронула не только город, но и деревню. В резолюциях, принятых на траурных собраниях, жители сел и деревень хотели называть свои селения именем вождя. Чальско-Дорскую волость Гжатского

уезда жители хотели переименовать в волость имени Ульянова-Ленина, а жители деревни Старое Вырье свой населенный пункт – в деревню Ленино, также хотели назвать свой выселок и граждане выселка Зайцево Рождественской волости [18, л. 43 об.]. Сразу же после смерти Ленина последовала череда прошений о присвоении учреждениям, предприятиям и организациям имени вождя. Одними из первых с такой просьбой выступили «перед соответствующими органами» работники и учащиеся Рославльского педтехникума [17, л. 13].

Таким образом, смерть Ленина массой населения была воспринята как трагедия. Ленин виделся жертвой во имя блага всех сирых и обездоленных, а потому в сознании многих его фигура приобретала сакральный характер. Население, мыслявшее в традиционных религиозных категориях, отнеслось к смерти Ленина по-христиански. Несомненно, в представлении населения Ленин был фигурой планетарного масштаба, равной Спасителю.

Однако, несмотря на выражаемые соболезнования, крестьянская масса заняла выжидательную позицию в отношении уплаты единого сельскохозяйственного налога: по сообщениям с мест, после смерти Ленина поступление налога снизилось. Крестьяне ожидали амнистию и полагали, что если налог и не будет сброшен, то частично будет уменьшен, а недоимки будут прощены [10, л. 105 об.]. Но в других местах, например в Ярославской губернии, отмечалось иное: крестьяне, надеявшиеся на уменьшение налога, смерть Ленина воспринимали настороженно, как ожидание того, что советская власть налога снижать не будет [3, с. 186, 187].

Часть населения отнеслась к смерти вождя с безразличием, что отмечали агитаторы, проводившие траурные мероприятия на селе: «у зажиточного крестьянства и малосознательных женщин было безразличное отношение к смерти Ленина» [19, л. 151]. По информационным сведениям, в окрестностях Дрогобужа крестьянские парни поют песни на мотив «Вечная память» с оскорбительными для имени т. Ленина фразами [7, л. 365 об.]. Негативное отношение к фигуре Ленина встречалось и среди красноармейцев. В частности, в 4-й дивизии Западного фронта красноармеец Михайлов заявил: «Не велика беда, что умер Ленин, на его место явится 20». По сообщению информаторов, его сослуживцы пристыдили его, к нему были приняты меры морального воздействия [8, л. 76].

Для правящей партии большевиков смерть Ленина стала консолидирующим моментом. Пропаганда образа вождя стала давать свои очевидные результаты. В отчетах с мест стали подмечать особую роль смерти Ленина в положительном отношении к власти и партии большевиков. Об этом, в частности, говорилось в отчете Бежицкого уездного Комитета РКП(б) Брянской губернии к 8-й уездной конференции РКП от 15 марта 1924 г., где отмечалось улучшение отношения к власти рабочих и крестьян, которые принимали решения о коллективном вступлении в партию. Даже бывшие эсеры и меньшевики перешли «под знамя РКП и Третьего Коммунистического Интернационала» [20, л. 156]. Это сообщение не является единичным. Вероятно, смерть Ленина заставила многих представителей иных партий пересмотреть свое отношение к советской власти и поддержать ее в трудную минуту. Так, на фабрике имени Ленина в Клинцах один из руководителей местной группы анархистов, всегда иронически критиковавший те или иные мероприятия

власти, при голосовании же по поводу резолюции о смерти Ленина «энергично и быстро поднял руку за таковую, выражая этим искреннее сожаление» [21, л. 9 об.].

Массированное давление пропаганды на сознание населения в деле возвеличивания Ленина имело и обратную сторону: у определенной части населения эти мероприятия вызывали отторжение как самой фигуры вождя, так и советской власти в целом. Иногда раздавались критические голоса, протестовавшие против обожествления Ленина. Так, на митинге, посвященном памяти Ленина, в Бежицком уезде Брянской губернии один из комсомольцев, явившись к концу митинга, «стал говорить, что Христа подменили ЛЕНИНЫМ и т.д.» [22, без пагинации]. Крестьяне с. Крачавки Тамбовской губернии задавались вопросом: «Почему Ленин не святой, а устроили ему склеп?..» [15, с. 160]. Рабочие типографии Полеспечати в Гомеле во время траурной недели в связи со смертью Ильича говорили: «Почему не разрешают приклоняться перед Богом, а сами преклоняются перед Лениным и готовы молиться на его портрет?» [9, л. 43].

Все чаще стали появляться и негативные оценки результатов деятельности вождя мирового пролетариата. На фабрике «Пламя Революции» в Новобелице Гомельской губернии некий рабочий Чикуров выразился: «Умерла голова, умрет и филейная часть», подразумевая под этим, как видно, РКП, членов которой одна из работниц Стодольской фабрики в Клинцах призывала резать, как это делают на Украине. Уже утром 24 января в г. Речице была обнаружена прокламация следующего содержания: «Умер Ленин, пусть сдохнет Троцкий, долой Советскую власть» [21, л. 9 об.]. Спустя два года после смерти Ленина, в апреле 1926 г., в городе Белом Смоленской губернии на столбах, главным образом на базарных площадях, были расклеены неизвестными лицами контрреволюционные прокламации общим числом 10–13 штук, большинство из которых властям удалось сорвать, не дав прочитать их крестьянам, прибывавшим в субботнее утро на базар. В прокламации автор (авторы) объяснял (объясняли) читателям, «что дал народу Ленин»:

«1. ЛЕНИН помогал окончить войну с немцами путем обмана солдат и рабочих Петрограда, чем и привлек на нас... союзников, блокаду и нищету народа.

2. В результате вооруженного захвата власти возникла гражданская война с тысячами новых жертв.

3. Вследствие реквизиции хлеба, причинил голод Поволжью.

4. После провала коммун и артелей подписал “НЭП”, разорил и его хозяйство, ввел громадные налоги.

5. Путем агитации за-границей развратил много рабочих.

В различных тюрьмах сидит 100.00 за политику.

В николаевское время нам обещали царства небесного за труд и добро, а теперь коммунисты обещают нам будущий социализм, которого нам не ждать. Вот как они приближают нас к социализму: учат молодежь покупать и продавать, любить деньги. Допустили к продаже вино – водку. Кооперацию направили на снабжение населения предметами роскоши, все это “временно”, в то время как для деревни нет пользы от многотысячной партии карьеристов – ВКП(б) сваливает с себя всю хоз[яйственную] экономическую работу на плечи беспартийных, показывая этим то, что партия ВКП как вредный нарост никому не нужна с тех пор, как нахальство стало ее лозунгом.

Граждане, каждый из Вас страдает от тяжелых налогов. Наше коммунистическое правительство старается притеснить рабочих и кустарей, оно создало своих чиновников и буржуазию. На трудовые народные деньги оно строит аэропланы, вырабатывает газы, занимается электростанцией, что есть лишняя тяжесть для народа, боится допустить в профсоюзы деревенских трудящихся или вообще каждого пролетария, желающего работать, подавляя всякое развитие и инициативу рабочих союзов. Такое положение не может долго продолжаться.

Ленинизм ведет к нищете. Долой Ленинизм!

ДОЛОЙ НАЛОГИ!» [22, л. 180].

В письме на имя рабочих типографии Штейна, изъятом в г. Сретенск Забайкальской губернии, осуждалась не только политика советской власти, но и давалась беспощадная характеристика Ленину. Автор письма писал: «...от трибуны, в клубах, уголках, всюду слышно “Ленин, Ленин, ленинизм”. Что представляет из себя Ленин? Подставное лицо, жидовский наймит, беглый каторжник, разбивший могущество России, сделавший из юношей и жен развратников и развратниц, из детей – под углами умирающих беспризорных – это подвиги Ленина» [15, с. 345]. Кто автор этого письма, неизвестно, но очевидно, что письмо было неслучайно направлено рабочим типографии – наиболее образованной и грамотной части российского пролетариата.

Отрицательное отношение к фигуре вождя демонстрировали крестьяне из разных мест СССР. Критические оценки деятельности Ленина стали раздаваться в крестьянской среде еще до его смерти. В оценках Ленина звучали нотки недовольства и критического отношения к его деятельности со стороны крестьян, не веривших в его благие намерения и заявлявших, что Ленин «работал не для крестьянства, а только потому, что у него был расстрелян царским правительством брат» [22, л. 247]. На волостных собраниях в Гжатском уезде Смоленской губернии летом 1923 г. в связи с обострением отношений с Англией раздавались требовательные голоса: «Если требуется убрать Ленина и Троцкого, то уберите», «Мы не расстреливали Английских граждан, не конфисковали их фабрик и заводов и возмещать их убытки не будем, но и не будем воевать, нам все равно, что Керзон или соввласть и нагайка и т.д.». И только в 10 волостях с трудом удалось провести коммунистические резолюции [23, л. 48]. Крестьяне некоторых сел Клиновского и Новозыбковского уездов Гомельской губернии, сравнивавшие Ленина с Керенским, критиковали его учение. Попытки же запретить критику вызывали возмущение, как это случилось в с. Крапивном Новозыбковского уезда в период проведения ленинской недели в январе 1925 г. Выступая в прениях по докладу «Год без Ленина», один из крестьян на заявление о неуместности критики учения Ленина ответил, что Иисус Христос «был еще лучшим коммунистом, чем т. Ленин, а его коммунисты критикуют, так что и т. Ленина можно критиковать» [9, л. 65]. Некой квинтэссенцией отрицательного отношения к обожествлению является мнение красноармейца 37-й стрелковой дивизии, рабочего Гиндина, который уже в 1929 г. заявлял: «Раньше с Иисусом носились, а теперь с Лениным. Ленин не говорил, чтобы нас кормили водой» [24, л. 208].

Ненависть к власти и вождю часто переносилась на многочисленные изображения Ленина, массово распространявшиеся по стране. В поселке

Климов Новозыбковского уезда на столбе был наклеен маленький портрет Ленина с выколотыми глазами и подписью: «Этот вероломщик погубил тысячи народа и сам погубил себя». Отрицательное отношение к Ленину встречалось в Воронежской губернии, где в с. Бычки Богучарского уезда появилось воззвание к крестьянам, определявшее Ленина как «угнетателя» и «нарушителя народа», которого население проклиняет. Доведший крестьян до разорения своей политикой, Ленин объявлялся «врагом России» [6, с. 329, 331]. В с. Троицкое Омской губернии группа крестьян (кулаков по информации. – М. Б.) в 20 человек заявила: «Вот будь сейчас Ленин, я бы ему все глаза заплывал, а потом выколол, до чего он своей коммуной довел Россию» [3, с. 270]. Уже осенью 1924 г. в Петразоводском уезде Карелии пьяный председатель волостного Исполнительного комитета, увидев у одного из крестьян портрет Ленина, с площадной бранью растоптал его [6, с. 280].

Случаи вандализма в отношении портретов вождей наблюдались и в красноармейской среде. Так, в феврале 1925 г. из Калуги сообщали в Политуправление Московского военного округа о недружелюбном отношении красноармейцев 241-го полка к портретам Троцкого, в Ленинском уголке был «изуродован портрет тов. Ленина: выколоты глаза и проткнута грудь» [25, л. 22, 92].

Людей возмущало навязывание культа вождя. Уже в сентябре 1925 г. гражданин д. Пречистое Юхновской волости Е. Кузнецов, читая газету «Коммуна», говорил: «Мать честная, опять Ленину памятник. Уж что-то ему много понаставили, сначала коммунисты кричали, долой памятники, не надо мол тратить большие деньги. Неужели нечего больше строить, кроме памятников, или Республике денег девать некуда?» [26, л. 96]. Ситуацию обостряло то обстоятельство, что власти в своем стремлении создать культ Ленина часть расходов перекладывали на плечи населения. В сообщении от 30 января отмечается, что при общем доброжелательном отношении к сбору денег на венок Ленину среди части администрации материальной службы ст. Дорогобуж была попытка срыва этого мероприятия. Так, десятник склада топлива Кубай «всех обострял и выражался скверными словами по отношению имени т. Ленина» [7, л. 366]. Возмущение сбором денег на бюст Ленина высказывал красноармеец 39-го стрелкового полка Северо-Кавказского военного округа Лаптев: «Вот куда идет крестьянская копейка. Там крестьян грабят, а здесь у нас последнюю копейку отбирают» [27, с. 216]. 30 октября 1926 г. красный командир Сафонов в чайной Тарусского ЕПО, выдавая себя за «фашиста», критиковал политику Ленина, сообщая слушателям, что «В. И. Ленин якобы перед своей смертью приказывал построить в честь его возможно большее количество памятников». Увидев на груди присутствовавшего при этом комсомольца значок Ленина, Сафонов в присутствии всех сказал, «что он не советовал бы носить такое барахло» [28, л. 1045]. На продовольственной базе Западного фронта было решено деньги, причитающиеся на овощи, перечислить в этот фонд строительства памятника Ленину [19, л. 135, 151].

Общая тональность протестных оценок сводилась к тому, что Ленин своей политикой ничего не дал крестьянам в отличие от рабочих, которые, по мнению крестьян, получили все.

Однако и в рабочей среде не были склонны единодушно положительно оценивать годы правления Ленина. Собрания, посвященные годовщине смерти Ленина, показали, что и среди рабочих очевидным было проявление недо-

вольства своим положением, отмечалось, что «фабричный режим в настоящее время хуже капиталистического». А на Ликинской фабрике (Орехово-Зуево) рабочие сорвали собрание, посвященное годовщине смерти Ленина, призывая к избиению докладчиков и членов фабричного комитета. Один из рабочих фабрики «Красный перевал» в Ярославской губернии всех руководителей Советского государства, в том числе Ленина и Троцкого, называл «царьками», которые, как и при царском режиме, эксплуатируют рабочих [15, с. 37, 198].

Но все же большинство крестьян воспринимали Ленина как своего защитника. Будучи защитником обиженного крестьянства, Ленин выступал в их сознании жертвой отравления, и смерть его должна была привести к приходу во власть евреев и ухудшению положения крестьян [6, с. 30, 31]. И неслучайно крестьянам оказалась понятна борьба, начавшаяся против Троцкого, который мыслился не только как еврей, но и как человек (наряду с другими лидерами), разлагающий партийные ряды. В этой ситуации Ленин и его заместитель по СНК А. И. Рыков провозглашались «действительными» лидерами и вождями бедного класса [12, л. 145]. Для многих только Ленин мыслился как «действительный коммунист». Троцкого же «подводило» его еврейское происхождение. Особенно это актуальным было для населения бывшей «черты оседлости», где распространенным явлением был антисемитизм. Так, в с. Сватово-Лучки Харьковской губернии были расклеены прокламации, одна из которых носила узкоантисемитский характер. Автор прокламации осуждал Троцкого за то, что он «хочет показать себя таким, каким был наш дорогой учитель В. И. Ленин», и призывал к избавлению от Троцкого и «всей остальной жидовской армии». Заканчивалась прокламация традиционным призывом: «Бей жидов, спасай Советскую Россию. Так бейте же их, чтобы не было ни одного жида в Советской России. Тогда только заживем счастливо в Советской России» [15, с. 267, 395]. Вместе с тем еще в 1925 г. крестьяне Мосальского и Медынского уездов Калужской губернии считали Троцкого своим защитником, который заменит Ленина [18, л. 218, 236].

Представление о Ленине как защитнике крестьян проникло и в ряды Красной армии, где красноармейцы, сожалея о смерти Ленина, выражали беспокойство в связи с тем, что их некому будет защищать, а в партии начнется раскол и может случиться крестьянская революция [8, л. 76]. О расколе после смерти говорилось и в крестьянских письмах, проанализированных составителями сборника «Голос народа» [29, с. 191].

В сознании народа прочно утвердилась мысль о том, что прежние лидеры Советской России в лице Ленина и его ближайших сподвижников были лучше, ему хотелось, чтобы приходящие во власть новые лица следовали заветам вождя. Уже в начале 1929 г. крестьяне Милятинской волости Калужской губернии с сожалением говорили: «При Ленине было хорошо – хлеба было много, а как Ленин умер – все пошло как попало – хлеба мало и то жди в очереди (середнячка)» [30, л. 219]. Фигуры, равной ему, не виделось, руководство после Ленина мыслилось как коллективный разум в лице коммунистической партии, которая «будет строго придерживаться и проводить в жизнь лозунги, намеченные бывшими руководителями, ушедшими от нас за смертью» [31, л. 58]. Общим посылом всех постановлений различных митингов, собраний стало уверение в необходимости выполнения заветов Ильича.

Однако это пожелание, по мнению некоторых крестьян, не выполнялось. Многие из них связывали ухудшение своего положения с нарушением заветов Ильича и осуждали нынешнее правительство. Доставалось и местным властям, которые «никуда не годятся, а только лишь делают злоупотребления», забыв ленинский лозунг: «Лицом к деревне» [15, с. 41, 153; 11, л. 19]. Крестьяне Негинского сельсовета Севского уезда Брянской губернии, не уплатившие сельхозналог, обратились с заявлением к уездному съезду Советов с заявлением, в котором просили съезд избрать такой руководящий орган, который защищал бы их в течение года, осуществляя заветы «любимого нашего руководителя Ильича». Заявители отмечали, что власть от них оторвалась, и просили избрать в президиум Уисполкома тех товарищей, которые в любую минуту бы говорили с ними «как с товарищами и параллельно защищали... интересы», а не смотрели бы как на своих подчиненных, не имеющих права и говорить с ними. Оторванность власти от народа, засилье бюрократов – все это заставляло население сожалеть о том, что «нет в живых тов. ЛЕНИНА, а то бы он разогнал всех чиновников Губисполкома и не дал бы тратить деньги на жалованье, а больше обратил бы внимания на крестьян» [32, л. 33–35; 33, л. 70]. Однако встречались и голоса тех, кто осуждал «заветы Ильича», отмечая, что они направлены против крестьян [15, с. 166].

Противопоставление «хорошего» Ленина и «плохих» наследников стало общим местом в рассуждениях населения после его смерти. Крестьянскому традиционному сознанию было непонятно многое из того, что происходило в партии и стране. После смерти Ильича стало очевидным, что в партии нет единства, она расколота. Мнение о расколе партии отмечалось среди различных слоев населения в разных районах страны. Питаясь только слухами и официальной информацией, которой не доверяли, люди говорили том, что Троцкий ранен Зиновьевым на одном партийном заседании, что Троцкий поссорился с Калининым, что Троцкий скандалит с Будённым и скоро будет переворот [3, с. 174]. И многих это заставляло сожалеть о том, что нет в живых Ленина, который прекратил бы всякие разногласия в партии, которые опасны тем, что за спиной стоит буржуазия, стремящаяся «как можно больше разжечь и углубить эту вражду, дабы потом подчеркнуть, что вот Ваша хваленая республика сама по себе слабеет». В частности, калужские крестьяне Савкин и Чистяков говорили: «Жаль, что нет Ленина, он бы им дал дискусию палкой по хвосту» [28, л. 190]. А крестьянин из Орловской губернии заявлял, что Ленин «ощипал бы им перья и вообще было бы не то» [34, л. 304]. По мнению крестьян Клиновского уезда Гомельской губернии, со смертью Ленина возникла и угроза ослабления «мощности власти», чем не преминут воспользоваться капиталистические страны и развяжут войну против СССР, в конечном итоге случится изменение государственного строя. Правда, «крестьяне не отдают себе отчета и говорят, какая бы власть ни была, землю не отберут и не будут брать столько продналога, страховки и т.п., разных налогов» [21, л. 8, 9]. Во всяком случае крестьяне последовательно связывали с именем Ленина порядок в обществе, который, вероятно, им мыслился как монолитное единство общества под руководством мудрого вождя.

Различного рода разногласия и дискуссии были малопонятны крестьянину и только свидетельствовали о слабости власти, которая даже не способна навести порядок в собственных рядах. Неслучайно красноармейцам Мос-

ковского гарнизона Ленин в большей мере, чем Керенский, мыслился «согласителем», т.е. человеком, добившимся согласия в стране [35, с. 101]. А один из молодых красноармейцев 37-й Новочеркасской стрелковой дивизии, расположенной в Брянской губернии, полагал, что Ленин – «контрреволюционер» [36, л. 64 об.].

О способности Ленина ликвидировать разногласия говорили партийцы. Оценивая ситуацию в партии и дискуссию 1923 г., они заявляли, что «раньше т. Ленин умел ликвидировать двоякие попытки разделения партии» [8, л. 8]. Об этом вели разговоры рабочие Зубовской фабрики в Клинцах. Отмечая консолидирующую роль Ленина, они боялись, что с его смертью «коммунисты все в свои руки заберут и беспартийным делается хуже, так как он больше стоял за интересы беспартийных, нежели другие». Вообще Ленин – это человек, авторитет которого переносился на партию, которая теперь стояла перед угрозой раскола.

Итак, смерть Ленина сыграла не только консолидирующую роль в жизни советского общества, но и показала самое разное отношение населения к вождю и его деятельности. При общем искреннем сожалении о потере вождя раздавались и голоса недовольных, скептически относящихся к Ленину и результатам его деятельности. Важными факторами, влиявшими на формирование отношения к Ленину, явились состояние правящей ВКП(б) и результаты строительства социализма в СССР. Борьба внутри партии, мизерные результаты социалистического строительства, пропагандистское давление – все это формировало противоположное отношение и к В. И. Ленину: часть населения связывала все невзгоды в жизни населения СССР с отходом от «заветов» Ильича, а другая эти же неурядицы жизни относил к политике, начатой Лениным. И все же для большинства населения Ленин стал идеалом руководителя, фигурой, которая консолидировала советское общество, не давая развиваться центробежным силам, угрожавшим самому существованию советской власти.

Библиографический список

1. **Великанова, О. В.** Образ Ленина в массовом сознании / О. В. Великанова // Отечественная история. – 1994. – № 2. – С. 177–185.
2. **Виноградов, В. К.** Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества / В. К. Виноградов // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1 : 1922–1923. – М., 2001.
3. Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939. Документы и материалы : в 4 т. Т. 2 : 1923–1929. – М. : РОССПЭН, 2000.
4. Неизвестная Россия. XX век: Архивы. Письма. Мемуары : в 4 т. Т. IV. – М. : Историческое наследие, 1992.
5. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 2 : 1922–1923. – М., 2001.
6. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2 : 1924 г. – М., 2001.
7. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1942.
8. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1960.
9. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее – ГАООГО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1938.

10. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1941.
11. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. П-1. Оп. 7. Д. 91.
12. Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 994.
13. ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2017.
14. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2892.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 3. Ч. 1 : 1925 г. – М., 2001.
16. Государственный архив Брянской области (далее – ГАБО). Ф. П-2. Оп. 2. Д. 1291.
17. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2586.
18. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1958.
19. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1932.
20. ГАБО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 786.
21. ГАООГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2431.
22. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3214.
23. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1988.
24. ГАООГО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 496.
25. ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 106.
26. ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 8. Д. 105.
27. Крестьянские истории: российская деревня 20-х годов в письмах и документах. – М., 2001.
28. ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 126.
29. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. – М. : РОССПЭН, 1997.
30. ГАДНИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 62.
31. ГАОО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 4.
32. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1298.
33. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1416.
34. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1882.
35. **Шпильрейн, И. Н.** Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона / И. Н. Шпильрейн, Д. И. Рейтынбарг, Г. О. Нецкий. – М. ; Л., 1928.
36. ГАБО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2171.

References

1. Velikanova O. V. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1994, no. 2, pp. 177–185.
2. Vinogradov V. K. «*Sovershenno sekretno*»: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [Top secret: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)]. Vol. 1, part 1: 1922–1923. Moscow, 2001.
3. *Sovetskaya derevnya glazami VChK – OGPU – NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy : v 4 t. T. 2 : 1923–1929* [The Soviet village in the eyes of VChK – OGPU – NKVD. 1918–1939]. Moscow: ROSSPEN, 2000.
4. *Neizvestnaya Rossiya. XX vek: Arkhivy. Pis'ma. Memuary: v 4 t. T. IV* [An unknown Russia. XX century: Archives. Letters. Memoirs: in 4 volumes. Vol. IV]. Moscow: Istoricheskoe nasledie, 1992.
5. «*Sovershenno sekretno*»: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [Top secret: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)]. Vol. 1, part 2: 1922–1923. Moscow, 2001.
6. «*Sovershenno sekretno*»: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [Top secret: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)]. Vol. 2: 1924. Moscow, 2001.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Smolenskoy oblasti (dalee – GANISO)* [State Archive of Contemporary History of Smolensk Region (hereinafter – GANISO)]. F. 3. Оп. 1. Д. 1942.

8. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 1960.
9. *Gosudarstvennyy arkhiv obshchestvennykh ob"edineniy Gomel'skoy oblasti (dalee – GAOOGO)* [State Archive of Social Associations of Gomel Region (hereinafter – GAOOGO)]. F. 1. Op. 1. D. 1938.
10. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 1941.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv dokumentov noveyshey istorii Kaluzhskoy oblasti (dalee – GADNIKO)* [State Archive of Documents of Contemporary History of Kaluga region (hereinafter – GADNIKO)]. F. P-1. Op. 7. D. 91.
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Orlovskoy oblasti (dalee – GAOO)* [State Archive of Orel region (hereinafter – GAOO)]. F. P-1. Op. 1. D. 994.
13. *GAOOGO*. F. 1. Op. 1. D. 2017.
14. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 2892.
15. «*Sovershenno sekretno*»: *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.)* [Top secret: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934)]. Vol. 3, part 1: 1925. Moscow, 2001.
16. *Gosudarstvennyy arkhiv Bryanskoy oblasti (dalee – GABO)* State Archive of Bryansk Region (hereinafter – GABO)]. F. P-2. Op. 2. D. 1291.
17. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 2586.
18. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 1958.
19. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 1932.
20. *GABO*. F. P-4. Op. 1. D. 786.
21. *GAOOGO*. F. 1. Op. 1. D. 2431.
22. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 3214.
23. *GANISO*. F. 3. Op. 1. D. 1988.
24. *GAOOGO*. F. 3. Op. 1. D. 496.
25. *GADNIKO*. F. P-1. Op. 8. D. 106.
26. *GADNIKO*. F. P-1. Op. 8. D. 105.
27. *Krest'yanskie istorii: rossiyskaya derevnya 20-kh godov v pis'makh i dokumentakh* [Peasant stories: the Russian village in 1920s in letters and documents]. Moscow, 2001.
28. *GADNIKO*. F. P-1. Op. 9. D. 126.
29. *Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobyitiyakh 1918–1932 gg.* [The voice of people. Letters and responses of average soviet citizens on the events of 1918–1932]. Execut. ed. A. K. Sokolov. Moscow: ROSSPEN, 1997.
30. *GADNIKO*. F. P-1. Op. 11. D. 62.
31. *GAOO*. F. P-2. Op. 2. D. 4.
32. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 1298.
33. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 1416.
34. *GAOO*. F. P-1. Op. 1. D. 1882.
35. Shpil'reyn I. N., Reytnbarg D. I., Netskiy G. O. *Yazyk krasnoarmeytsa. Opyt issledovaniya slovary krasnoarmeytsa Moskovskogo garnizona* [The language of the Red Army. The experience of researching the red army's vocabulary]. Moscow; Leningrad, 1928.
36. *GABO*. F. P-1. Op. 1. D. 2171.

Брянцев Михаил Васильевич

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, Брянский
государственный университет
им. академика И. Г. Петровского
(Россия, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14)

E-mail: bmwbox@mail.ru

Bryantsev Mikhail Vasilevich

Doctor of historical sciences, professor,
head of sub-department of theory
and history of state and law, Bryansk
State University named after academician
I. G. Petrovsky (14 Bezhitskaya street,
Bryansk, Russia)

УДК 94 (47) + 929. 2 Ленин

Брянцев, М. В.

Ленин после смерти (представления населения советской провинции) / М. В. Брянцев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 62–76. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-2-6